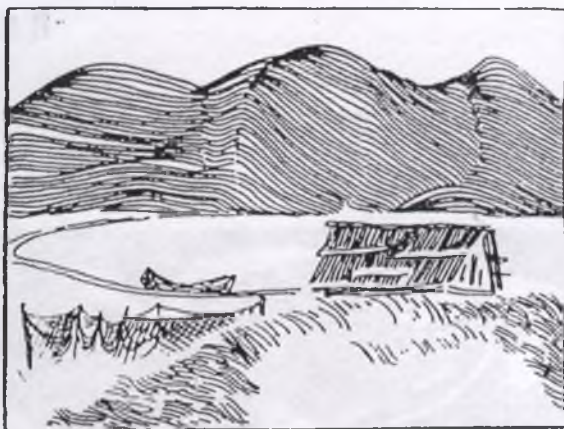

Ю. ВАЛЬДМАН

НОВАЯ РОДИНА

ЭСТОНЦЫ НА БЕРЕГУ ЯПОНСКОГО МОРЯ

... НАДОБНО ЗНАТЬ, ЧТО ЛЮБИШЬ;
А ЧТОБЫ ЗНАТЬ НАСТОЯЩЕЕ,
ДОЛЖНО ИМЕТЬ СВЕДЕНИЕ О ПРОШЕДШЕМ.

И.М. Карамзин

Ю. ВАЛЬДМАН

НОВАЯ РОДИНА

ЭСТОНЦЫ НА БЕРЕГУ ЯПОНСКОГО МОРЯ

Сборник

г. Большой Камень
2009 г.

Интерес этнографов и фольклористов, а также и самой широкой публики всегда привлекали компактные национальные "островки" в национальной среде. В эту книгу автор собрал свои публикации по истории возникновения на восточном побережье Уссурийского залива эстонской колонии, заселении и обустройстве дальневосточной русской окраины крестьянами Прибалтики в конце 19 — начале 20 веков.

Что в имени твоем, Южная Лифляндия?

Всем известно, что Южная Лифляндия — не отдельное, само по себе, село, а попросту микрорайон Большого Камня, хотя и расположен на самой окраине города. Откуда же взялось звучное, красивое и поэтическое название этого городского села, с чего оно началось?

... Издавна, на побережье Рижского залива (в низовьях рек Даугавы и Гаучи) обитали ливы (либиеши) народность финно — угорского происхождения. В древности ливы (по-древнерусски «либь») тесно были связаны со славянами и находились в 12 столетии в зависимости от Полоцкого княжества.

В начале 13 века ливонские земли захватили немецкие рыцари из ордена Меченосцев, объединившегося потом с Тевтонским орденом, а еще позднее с образовавшимся его ответвлением — Ливонским рыцарским орденом. В ходе ливонской войны 1558-1583 гг. за выход России к Балтийскому морю, территория между Рижским заливом, Псковским озером и рекой Даугава была занята войсками Ивана Четвертого (Грозного). Эта победа принесла рус-

ским дружинникам только временный успех, но оказала сильное влияние на систему феодального землепользования в Прибалтике. ликвидировало старое, феодально-католическое землепользование. В 1561 году было образовано Курляндское герцогство, а территорию современной Южной Эстонии и Северной Латвии (до реки Даугава) стали называть Ливонией — землей ливов.

По Ям — Запольскому миру (1582 г.) ливонская земля перешла под власть Речи Посполитой. Позже, в 1621 году, ее захватил шведский король Густав Второй Альф. После Альтмарского перемирия в 1629 году область преобразовали в отдельную заморскую провинцию шведского королевства, а термин «Ливония» заменили немецким словом «Лифляндия» — ливская земля.

В ходе Северной войны (1700-1721 гг.) Петр Первый, в сражении под Полтавой, «прорубил окно в Европу» для окрепшего российского государства, и заставил шведов окончательно отказаться от стратегически важного участка земли у слияния Финского залива с Балтийс-

ким морем. По Ништадскому мирному договору (1721 г.) Швеция уступила России Лифляндию, Эстландию, Ингерманландию, части Карелии с Выборгом, острова Эзель и Даго, но получила назад Финляндию. Кстати, этот момент отражен в эстонском народном эпосе «Калевипоэг», собранном и обработанном одним из родоначальников эстонской национальной литературы Фридрихом Рейнгольдом Крейцвальдом (1803-1882 гг.). В состав Российской империи Лифляндия вошла, как губерния, и состояла из 9 уездов, из которых 4 (Валкский, Рижский, Венденский, Вольмарский) были населены преимущественно латышами, а 5 (Веррорский, Эзельский, Пернавский, Феллинский, Деритский или Юрвевский) — эстонцами. После Октябрьской революции 1917 г. южная часть Лифляндской губернии вошла в состав Латвии, а северная — Эстонии...

В конце 90 годов 19 столетия до эстонцев с Моонзундского (Западно-Эстонского) архипелага дошла весть о том, что царское правительство зовет их осваивать рыбные промыслы Уссурийского края.

сурового и тогда мало обжитого. К тому же и льготы переселенцам давали немалые. И первые десять семей весной 1899 года решились уехать на дальневосточную окраину. Среди них были Михкель Микк, Юхан Уусталу, Андрей Вальтон с сыновьями, Павел Малк, Андрей Вейде, Юхан Тебак, Яан Таммевески.

Сначала добирались до Ревеля (Таллина), потом по железной дороге до Одессы, а оттуда более месяца на пароходе «Екатеринослав» плыли через тропические моря на другой конец российской империи, к новому месту жительства.

И вот наконец он. Владивосток. Здесь новоселов разместили в специальном бараке Переселенческого управления. Когда были получены положенные переселенцам деньги и документы, новоиспеченные дальневосточники спешили к берегу договариваться с перевозчиками — китайцами о переправе через Уссурийский залив.

В один из солнечных сентябрьских дней 1899 года первые 26 поселенцев высадились на пустынный берег бухты Андреева. Здесь и предстояло жить, обрести новую родину.

Каждая семья ставила свой хутор, селились на расстоянии нескольких километров один от другого. Каждому хутору давался 15-десятинный надел.

И этот земельный участок оказался солидным, ведь на родине, в Лифляндской губернии, приходилось довольствоваться куда меньшим клином.

Эстонские переселенцы продолжали прибывать и после двух массовых заездов в 1900 и 1901 годах. На два десятка километров с севера на юг протянулось изрезанное бухтами и бухточками побережье, которое предстояло обживать эстонским крестьянам. И скоро безымянные прежде берега получали названия по фамилиям тех, кто здесь обосновался:

Бухты Вальтон, Керм, Сидрик. Эстонское поселение Петровской волости Ольгинского уезда получило название Лифляндское (Лифляндия).

Обживались поселенцы быстро. Немногоу начали заниматься и рыбалкой. В 1915 году в селении на 141 двор числился 691 житель, из них 80 человек рыбаки.

Весной 1924г. был образован Лифляндский (позднее Южно-Лифляндский) сельский Совет, упраздненный в 1961 году. Тогда же в селении сформировались три рыбацкие артели: «Лифляндец-1», «Лифляндец-2» и «Приморетц».

В 1925 году в селении Лифляндское имелось 86 хуторов, земельные участки общей площадью 1655 десятин.

В 1927 году здесь проживало 736 человек.

В декабре 1929 года лифляндские артели объединились в колхоз, состоящий в основном из эстонцев. Первым собранием решено было назвать колхоз «Лифляндец». Тогда в селении насчитывалось 130 дворов, у которых было 3 ручные и 1 конная молотилки, 70 телег, 84 сохи, 20 вентерей, 260 сетей и 20 гребных лодок.

На 1 марта 1930 года в составе колхоза числилось 72 человека, из них 40 мужчин. Всего на территории Лифляндского колхоза жило 182 человека (166 эстонцев, 9 русских, 4 корейца и 3 молдована).

В феврале 1931 г. на новом собрании председателем колхоза избрали Юхана Юхановича Ганслеп. Тогда же и хозяйству нашли новое название - «Новый Мир». В том же 1931 году решено было перенести центральную колхозную усадьбу в бухточку Южная, в связи с организацией в северной части бухты Андреева государственной рыбной базы, а затем - рыбокомбината «Уссурийский».

Каждый год центральный новомировский поселок непрерывно рос. Эстонское поселение на восточном берегу Уссурийского залива стали называть Южной Лифляндией.

.....

Привезли с собой дух Прибалтики

(Историко-краеведческий очерк)

*Плох тот народ, который не
помнит, и не ценит своей исто-
рии.*

В. Васнецов.

Со времен императрицы Елизаветы Петровны на Моонзундском (Западно-Эстонском) архипелаге, что в Балтийском море, поселились немецкие помещики, принявшие русское подданство. Вернее, помещиками они стали только на островах. Царский двор щедро наделил их землями, рабочим и домашним скотом, предоставил кредиты. А чтобы закрепить за собой коренных жителей — эстов (так еще древние германцы называли балтийские племена, жившие к северо-востоку от Вислы), помещики сдавали им в аренду или продавали на выгодных для себя условиях землю. Цену назначили произвольно. Да еще требовали, чтоб один взрослый из семьи арендатора шесть дней в неделю работал на помещичьем поле. Правда, за это работника кормили и платили несколько гривенников в день. Осенью же приходилось от сорока до семидесяти процентов сбора урожая отдавать помещику.

Крестьянские семьи едва сводили концы с концами. Многие арендаторы рано или поздно залупывались в долги, лишались земли и превращались в батраков. Усложняли положение крестьян и частые недороды из-за плохой земли. Ведь почва на архипелаге каменистая, по полям разбросано множество валунов.

В прибалтийских губерниях (Лифляндской и Эстляндской) в 1802 году формально отменили крепостное право, да и не было оно никогда столь выражено угнетательным, как в других российских регионах. Конечно, притеснения какие-то были, были и волнения. Происходило быстрое разложение помещичьего хозяйства. Некоторые крестьяне крепко становились на ноги, покупали земельные наделы насовсем. Но из-за низкого качества земли приходилось корзинами таскать морской ил, пытаясь хоть как-то облагородить почву, старательно выбирать камни. Однако валунов было столько, что со временем участок заболачивался, лишенный каменистой основы, и урожай даже падали.

Со своего неплодородного клочка земли островитянин всегда переводил взор в сторону моря. И с радостями, и с горестями — всегда обращался к нему. Женщине — поле, мужчине — море. Так уж столетиями было заведено на Моонзундском архипелаге.

Важно отметить, что рыбные промыслы для основной массы эстонских крестьян никогда не были главным занятием. Даже для живущих у моря. Помещик нуждался, прежде всего, в рабочей силе на земле. Рыбачили на него несколько человек в сезон. И этого для семьи

хватало. Кроме того, море на три мили от берега принадлежало помещику. И за лов в нем крестьянин должен был платить. Все это ограничивало развитие рыбного промысла в крестьянской среде лишь незначительными потребностями...

И вот во второй половине девяностых годов 19-го века до островных эстонцев дошла весть о том, что царское правительство зовет крестьян переселяться за десятки тысяч верст на другой конец Российской империи и осваивать рыбные промыслы залива Петра Великого. Ведь интенсивное развитие Уссурийского края требовало от власти как можно скорее одолеть засилье китайских, японских и корейских гостей в рыбной индустрии Тихоокеанского побережья. А одолеть его можно было только развитием своих, российских промыслов, организацией своего рынка взамен сопредельных стран. Выбор сделали в пользу эстонских поморов.

Переселяться моонзундским крестьянам предложили не случайно. Было хорошо известно, как мертвой хваткой зажали их немецкие помещики, как невыносимо тяжело живется людям, что народ этот — неутомимый и талантливый труженик. Моряки и рыбаки — потомственные мастера бондарного и плотничьего дела — непревзойденные, а женщины — мастерицы на все руки. Вот и решили власти, что эти люди, загнанные нуждой, согласятся покинуть отчий край и податься за тридевять земель за сытой жизнью. А обратно им уже не вернуться.

Чиновники переселенческого ведомства рассказывали: земли на востоке империи урожайные, пространства их немерены, в труднопроходимых лесах полно зверя, море кишит рыбой и помещиков нет. Дадут тебе ссуду, выделят земельный надел — живи, как можешь.

Весть о переселении «на казенный кошт», т.е. за счет государства, разлеталась по архипелагу прежде официальных предложений, тревожила умы. Решили островитяне по-

слать ходоков. Пусть поедут налегке, без семей. Пусть все хорошенько проверят, пусть посмотрят, что это за земли такие в глухом и богатом крае, что за леса у богатейшего моря. И пусть найдут тех, кто нарежет землю будет, и послушают, действительно ли все бесплатно. А тогда и решим окончательно.

В 1897 году с трех островов — Саарема, Хийумаа и Муху — выбрали по одному мужику. Основательных, грамотных. И отправили на мирские деньги в далекое путешествие. Пусть едут и проверят. Таких не проведешь, не обманешь. Имен тех троих теперь уже не сыскать.

С Моонзундского архипелага ходоки добрались до материка, а потом из Санкт-Петербурга по железной дороге до Одессы. Затем более месяца плыли на пароходе через тропические моря до Владивостока.

Больше года не было от ходоков никаких вестей. Уже стали помаленьку и забывать о них, но ходоки вернулись. И все рассказали. Мужики поехали, исходили пешком по выделенным для будущих эстонских поселенцев пустынный берег на восточном побережье Уссурийского залива и вернулись на Балтику. Вести, которые они привезли, быстро облетели острова. Изменяя обычной молчаливости, взалбев, рассказывали мужики о дальнем крае. Все верно: и зверь есть, и рыба, и земли тучные. А отдают эти несметные богатства людям по велению самого царя.

Не верить своим было уже невозможно. И все же большинство крестьян не решились уехать за тридевять земель от насиженных мест. Лишь несколько рискованных распродали свои пожитки и во второй половине апреля 1899 года двинулись на Дальний Восток.

Всем переселенцам с западно-эстонских островов выдавалась справка для проезда к месту поселения в Уссурийском крае. В этом документе говорилось:

«1. Проезд поморов до места водворения с небольшим количеством багажа будет для них бесплатным.

2. По прибытии переселенцев на место им будет выдано пособие в размере 1000 рублей в виде ссуды сроком на 33 года с тем, чтобы по истечении первых 5 льготных лет она погашалась в течении остальных 28 лет взносами в процентах от занятой суммы, в т.ч. 4 процента интереса и 6 процентов погашения. В случае же, если поморы в течении 5 лет будут действительно заниматься рыболовством или каботажом, то ссуда может быть

зачислена в безвозвратное пособие.

3. Переселенцам будет предоставлен земельный надел в размере 15 десятин на семейство.

4. Они освобождаются на 10 лет от сборов за производство промыслов.

5. Для оборудования промысловых принадлежностей и на лодочное обзаведение поморам будет разрешена бесплатная рубка леса...».

... прошлое всегда с нами, и все, что мы с тобой представляем, все, что мы имеем, исходит из прошлого. Мы его творение, и мы живем, погруженные в него. Не принимать этого и ощущать прошлое... значит не понимать настоящее.

Дж. Неру

Тем временем переселенческое ведомство Министерства внутренних дел готовилось к переброске эстонских переселенцев с Моонзундских островов в Ревель (Таллин), далее на поездах через столицу в Одессу, где оборудовались бараки для крестьян, ожидающих парохода к берегам Великого (Тихого) океана. Готовились и в самом Владивостоке.

В Цемухинскую волость Южно-Уссурийского округа вышла временная землемерная партия заведующая работами по отводу земель переселенцам и образованию переселенческих участков Кокшарова. Стояла задача образовать на восточном берегу Уссурийского залива поселение для прибывающих сюда семей эстонцев из Лифляндской и Эстляндской губерний. Партия работала в этих местах и раньше, формируя земледельческие поселения. В своем отчете за 1899 год Кокшаров писал:

«... Всего было 9 землемеров. Один — И. Данильченко — из Переселенческого управления. Остальных, во исполнение постановления комитета Сибирской железной дороги, для включения в партию назначило Министерство внутренних дел: Мих. Данильченко, Варпаховский, Вержболович, Васильев, Мейен, Поликарпов. Они прибывали на место все лето, с мая по август, а конец полевого сезо-

на — 1 ноября, а то и раньше заканчивали.

Работы велись в два этапа: 1 — реконструкция и изыскание земель и 2 — образование участков. Их ограни-

чение осуществлялось проходом граничных просек в 1 сажень шириной, копанием ям и постановкой столбов. В этот год впервые эти два этапа делали сразу, не откладывая на будущий год, т.к. многие участки занимались переселенцами сразу. Да и для самих переселенцев удобнее, меньше переездов.

... Для поселения эстов в Цемухинской волости образовано два участка.

Участок Морской (Лифляндский). В нем пашни — 328 десятин, сенокоса сухого чистого — 252 дес., кустарника — 185 дес., сенокоса мокрого чистого — 73 дес., листовенного леса — 325 дес., всего 4997 десятин. К 1 января 1900 года поселилось здесь 6 семей.

Участок Гористый (Эстляндский). В нем пашни — 246 десятин, сенокоса с кустарником — 171 дес., сенокоса мокрого — 54 дес., кустарника — 43 дес., леса листовенного — 1731 дес., всего 2643 десятин. К началу 1900 года было поселено 4 семьи»

Среди первых десяти глав семей были Яан Таммевески, Юхан Уусталу, Михкель Микк, Андрус Вальтон, Юхан Тсбак, Иван Вейде, Павел Малк, Андрус Вейде.

В том же 1899 году эстонскому поселению на тихоокеанском берегу дали название Лифляндское (Лифляндия) – в честь одной из прибалтийских губерний.

Переход через тропические моря осуществлялся пароходами общества «Добровольный флот» по маршруту Одесса-Константинополь-Порт Саид-Аден-Коломбо-Сингапур-Шанхай-Нагасаки-Владивосток.

Во Владивостоке новоселов разместили в специальном бараке переселенческого управления, оказали минимум медицинской помощи, предоставили возможность для приобретения недостающего инвентаря, помогли выправить документы. В переселенческом управлении глава семейства окончательно оформлял свои финансовые дела. Здесь ему выдавалась ссуда. Размер ее год от года менялся. Сперва давали 1000 рублей, позднее – 500 или 300. Но условия погашения оставались твердыми и были они записаны в расчетно-долговой книжке, заверенной подписью заведующего переселенческим делом в Уссурийском крае Гойдат. По истечении 5 лет готовых лет крестьянин в течении 28 лет должен был выплачивать казне по 4 копейки с каждого рубля ссуды в качестве процентов и по 2 копейки в погашение самой ссуды в два срока – к 1 июля и 1 декабря каждого года.

Получив все положенные документы, новоиспеченные дальневосточники спешили к берегу – договариваться с перевозчиками китайцами о переправе на палубах через Уссурийский залив.

В один из солнечных сентябрьских дней 1988 года первые 26 эстонских поселенцев высадились на пустынный берег бухты Консывай (Андреева). Здесь им предстояло жить, обрести новую родину.

Морское побережье манило своими красотоми. Вековая тайга спуска-

лась с сопок к берегам. Лишь узкий песчаный пляж отделял деревья от полосы прибоя. Изредка забредали в эти места охотники, рыбаки, искатели женшена. Жили по несколько месяцев в шалашах и неглубоких землянках (фанзах), а потом возвращались в родные места – Китай. Корею.

На следующий, 1900-й год на уссурийское побережье высадилось еще 11 эстонских семей. Каждая из них ставила свой хутор.

Крупная партия переселенцев с балтийских островов была укомплектована в 1901 году. Им предстояло обживать бухты Кангауз (Суходол). Большие Куши (Большой Камень), Консывай (Андреево) и Вампауши (Мысовая), пугающие своей необжитостью. На эстонских поморов возлагались надежды, что они займутся рыболовством. Однако только часть из 30 семей занялась этим промыслом, другие же осели на земле и стали земледельцами. Поморы быстро освоили особенности местной рыбалки, и первые три их шхуны уже к 1903 году можно было часто видеть во Владивостоке продающими рыбу. Так, Иван Вейде в том же 1903 году продал 45 тысяч соленой сельди и 10 тысяч штук продал свежими.

К 1902 году все выделенные партии Кокшарова участки были заняты. Обживались люди быстро, и по воз-

можности, основательно. По-разному складывалось хозяйство у разных семей. Лучшее всего, конечно, было самым первым, да еще тем, у кого побольше в семье рабочих рук. Они могли выбирать самые лучшие, плодородные участки. А за строевым лесом для домов далеко ходить было не нужно, крупных деревьев хватало поблизости.

Одинокая жизнь в тайге – добираться до ближайшего соседа не во всякую погоду возможно – создавало множество неудобств. Но эстонцы упрямо держались своих хуторов. Наверное, потому, что давно мечтали зажить самостоятельно, хозяева-

ми. А здесь, когда да вокруг твоего дома, на несколько верст нет жилья, тебе кажется, принадлежит вся округа, хотя на самом деле переселенцам нарезали по 15 десятин земли на семью. Кеттин, одна десятина – 1,09 гектара. Значит, надел равнялся 16,35 гектара. Надо признать, что это не так уж и плохо. Ведь на родине, в Прибалтике, приходилось довольствоваться куда меньшим наделом.

*Из истории мы черпаем
опыт, на основе опыта об-
разуется живая часть наше-
го практического ума.*

И. Гердер.

Чиновник по особым поручениям канцелярии приамурского генерал-губернатора Антон Петрович Сильницкий (1864-1912) много ездил по Дальневосточному краю. Принимал энергичное участие в организации Приамурского отдела Русского географического общества, создании музея и библиотеки при нем. Публиковал материалы о прошлом и современном состоянии Дальнего Востока в трудах общества («Записках Приамурского отдела РГО») и газете «Приамурские ведомости». С 1897 года редактировал эту газету. В 1906-1910 годах Сильницкий издавал частную газету «Приамурье», подвергался штрафам за прогрессивное направление. Собрал большой материал об образовании новых сел, хозяйственной жизни крестьян — переселенцев, о формировании устойчивых очагов земледелия и промыслов (лесного, рыбного, пушного, бондарного, извоза и других), возникновении промышленных предприятий. Оставил подробное описание строительства Уссурийской железной дороги. Занимался вопросами пришлого славянского населения к дальневосточным условиям и историей казаков на восточных рубежах России.

Весной 1990 года А. П. Сильницкий обследовал крестьянские хозяйства Южно-Уссурийского округа и о результатах обследования рассказал в статье «Культурное влияние Уссурийской железной дороги на район Шмаковка — Бельцово», опубликованной в «Отчете о деятельности Приамурского отдела РГО за 1990 — 1991 г.г.» (Хаба-

ровск, 1902 г.). Посетил Антон Петрович и хутора эстонских помещиков на тихоокеанском берегу.

Уже тогда, довольно быстро выделялись крепкие, состоятельные хозяйства. Так, хутор Альфреда Кальф состоял из добротного дома, надворных построек, огорода и пашни. Для рыбной ловли использовались шлюпка морского типа, китайская лодка и снасти, привезенные с берегов Балтики.

Вполне благополучным хозяйством был хутор Андрея Швальтен, в семье которого было пять взрослых сыновей. На хуторе были построены: дом с надворными постройками, баня, сушильня — коптильня для рыбы. Имелись две лошади и семь коров. В рыбацком хозяйстве имелись большая шаланда грузоподъемностью две тысячи пудов и снасти. Хозяин хутора разработал двенадцать десятии земли. Об этом эстонском переселении Сильницкий пишет, что он «представляет идеал переселенца в нашу страну, трудолюбивый и многосемейный, хорошо грамотный, умеющий своими руками построить и дом, и лодку, и связать сеть: он, конечно, не будет жалеть о своей родине на берегах Балтики, но привлечет в наши края своих земляков, ибо благосостояние его хозяйства не подлежит никакому сомнению. Андрей Швальтен даже и теперь, еще не использовавший своего главного ремесла приготовления рыбы впрок, уже доволен своим положением и мечтает о постройке мастерской, коробок для консервов и особой коптильни для селедок, камбалы и проч.».

Таким же благополучным хозяйством был и хутор Иоганна Тынни-вести, в семье которого было два взрослых сына. На хуторе был построен хороший дом из кедровых бревен. Для рыбной ловли использовались лодка и снасти балтийского типа.

Рядом с хутором Тыннивести располагалось хозяйство Михаила Микк. В семье которого было четверо детей – подростков. Семья переселенца не смогла сразу обустроиться. И в 1990 году еще жила в старой китайской фанзе, где был устроен очаг финского типа. Помор жил в основном промыслом рыбы, которую возил на продажу во Владивосток. В хозяйстве были лодка, снасти и примитивная копилка.

Весьма успешно занимался рыбным промыслом Андрей Питерски, хутор которого находился вблизи хутора Микк. Занимался помор и земледелием. Было разработано три десятины земли, насажены фруктово-ягодные растения. А еще имелись четыре коровы.

Результаты обследования эстонских поселенцев дали возможность А.П.Сильницкому сделать такой вывод: «Поморы, поселившиеся в Уссурийском заливе, не никакого

сомнения, послужат надежнейшим кадром для развития на наших берегах морских промыслов, ибо все они, независимо от деловитости вообще, на родине своей главным образом рыбачили, море знают, умеют заготавливать рыбу впрок; они, словом, обладают именно теми качествами, которые нужны нашей стране для эксплуатации ее морей. И 1899 год, год поселения на побережье Японского моря прибалтийских рыбаков, скажем уверенно, будет началом эксплуатации морей, омывающих наши берега, а делу этому в будущем предстоит первостепенно экономическое значение, ибо богатства наших морей неисчерпаемы».

Человечество идет в будущее со взором, обращенным в прошлое.
Г.Ферреро.

Эстонские переселенцы продолжали прибывать и после массового заезда 1901 года. Теперь ехали кто как может: на поездах через Иркутск, на пароме через Байкал, по отстроенной в 1903 году Восточно-Китайской железной дороге, через Маньчжурию. А когда в 1904 году дорогу захватили японцы, плыли по Амуру до Хабаровска. Затем снова ехали на поезде, который ходил во Владивосток уже с 1897 года. Прибывали и на пароходах через тропические моря. Теперь переселенцы везли в трюмах и вагонах скот, зерно, инвентарь, чтоб не тратить на новом месте и ни от кого не зависеть.

До начала русско-японской войны 1904 года с прибалтийских островов в Уссурийский край прибыло 186 эстонских семей. Многие из них поселились в Лифляндском селении.

Каждая семья ставила свой хутор, селились на расстоянии нескольких километров друг от друга. И постепенно хутора разбросались по все-

точному побережью Уссурийского залива на протяжении 18 километров – от бухты Кангауз (Суходол) до бухты Ваипауши (Мысовая).

Среди эстонских семей, прибывших до 1910 года в дальневосточную Лифляндию, были носители фамилий Вейде, Армас, Мюрисепп, Лайд, Мяги, Тумма, Эйсвальд, Марибу, Арон, Редер, Улла, Гамс, Луйк, Таммевески, Палль, Тебак, Пихель, Ноор и другие.

Некоторые безымянные, слабо выраженные бухточки обрели имена подлинных хозяев: бухты Вальтон, Керм, Сидрик. К примеру, бухточку за небольшим мысом Палец издавна называют в народе Вальтон, хотя официально она и не закреплена на карте. Название свое бухточка получила по фамилии переселенца Андруса-Пеетера Вальтона (у эстонцев долгое время не было отчества, они стали появляться лишь в конце позапрошлого столетия), обо-

сновавшегося здесь в 1899 году.

Как свидетельствуют документы, родился А. П. Вальтон 9 сентября (по новому стилю) 1849 года. А 16 сентября (по новому стилю) 1872 года его венчали в Леной Уусталу. У них было пять сыновей и три дочери. Один сын и все дочери умерли еще в раннем возрасте. В числе первых эстонских переселенцев Вальтон вместе с семьей прибыл в Южно-Уссурийский округ Приморской области и поставил свой хутор на берегу бухты Консывай (Андреева). Дом он построил в метрах ста от моря. Рубленую четырехстенку покрыл тесом. Земельный надел имел сенокосные угодья, по обеим сторонам которого располагался лесной массив. Старые лиственные деревья, кусты орешника и багульника образо-

вывали густые заросли, прикрывавшие дом с двумя сараями. Рядом протекала речка. Позднее в отцовском доме жил один из сыновей — Иван. Дома А. — П. Вальтон давно уже нет. А имя первопоселенца сохранилось в народной памяти.

Трудна и небезопасна была жизнь первых эстонских поселенцев на тихоокеанском берегу. Вокруг домов появлялись огороды. И хотя урожаи были не слишком велики их вполне хватало для обеспечения семей самих колонистов. Люди постепенно привыкали к новому месту, учились его любить. Тем более, что их окружала живописная природа.

Главная цель властей была достигнута: берег освоен и обустроен, земля занята и рыбалкой эстонцы начали заниматься.

История — сокровищница наших деяний, свидетельница прошлого, пример и поучение для настоящего, предостережение для будущего.
М. Сервантес

В последующие годы с берегов Балтики прибывали уже одиночные семьи. Размещались они на свободных государственных (а после октябрьской революции 1917 года — и на церковных) землях, а также на землях родственников или селились в освободившиеся по разным причинам дома.

На 1 января 1915 года в Лифляндии значился 141 двор, 455 человек населения (236 мужчин и 219 женщин). Рыболовством занималось 80 человек.

Так понемногу обживались семьи эстонских переселенцев на дальневосточной окраине Российской империи. Потом понаехали в эти места молдаване, русские, украинцы... На лифляндском берегу зазвучала многоязыковая речь. Забегали

парни на свидания к девушкам других народов. На свадьбах царствовала немислимая путаница ритуалов.

В 1925 году в селении Лифляндское проживало 736 человек, имелось 86 хуторных участков с общей площадью земельных угодий 1655 десятин.

Еще в 1903 году между устьем реки Кагатунь (Промысловка) и бухтой Юшуй (Ильмовая) была образована балтийскими поморами (носителями фамилий Алас, Киндель, Вальк, Пяру, Мюйер, Кырве и других) деревня Линда. Это небольшое эстонское поселение не входило в подведомственный переселенческому управлению Южно-Уссурийского округа участок, а земли там занимались более или менее

произвольно. По крайней мере, реальных ограничений в площади занятой земли поселившиеся там семьи от властей не имели. Просуществовала дальневосточная Линда всего четверть века с небольшим.

Селились эстонские переселенцы не только на восточном побережье Уссурийского залива, но и в других местах. К 1918 году во Владивостоке проживало 150 семей, в Тавричанке — 8, Славянке — 10, Посёте — 15, на мысе Поворотный — 10 семей...

Число эстонских поселенцев в Приморской области Дальневосточного края в 1926 году составила 1547 человек, в том числе 1146 человек сельских и 401 человек городских жителей.

В будущее мы входим, оглядываясь на прошлое.

П. Валери.

В начале 1902 года во Владивосток из Лифляндской губернии прибыл молодой специалист, образованный и обстоятельный землемер Отто Мартинович Кидерман и поступил работать в Уссурийскую партию по образованию переселенческих и запасных участков. К сожалению, сохранилось очень мало биографических данных о нем. Известно, что родился Кидерман в 1878

году. А после прибытия на Дальний Восток его направили в селение Лифляндское землемером по отводу хутор-

ных участков для эстонских переселенцев. Обосновался Отто Мартинович неподалеку

от бухты Кангауз (Суходол).

Он был очень вежливый, аккуратный и внимательный человек.

На месте Кидерман нанял несколько помощников,

которые веревками вымеряли участки. При этом он старался учесть все пожелания по-

селенца, позволяя себе даже отступать от твердой десятилетней нормы. Если земля

была слишком уж плоха, то Отто Мартинович находил способ увеличить надел. Хотя

ему это было уже значительно труднее, чем его предше-

ственнику Кокшарову, ведь межовой рисунок селения к 1906 году в целом сложился. За все это новый лифляндский землемер пользовался

всеобщей симпатией и полным доверием. К нему часто шли за советом, не имеющим никакого отношения к земель-

ным делам. И всегда Кидерман вежливо и внимательно выслушивал хуторян, непременно старался помочь.

В 1906 году Отто Мартинович завершил работу над картой земельных наделов. На

нее были нанесены 142 хуторных участка от бухты Кангауз (Суходол) до мыса Ханган

(Седловидный), записаны на эстонском языке фамилии их владельцев (Арру, Маркиес, Яаник, Эйстрат, Лориц, Сиркель, Ваккемеес, Рифк, Вилукас, Наабер и других). Кроме наделов эстонских поселенцев, церковных и свободных государственных земель, частью отведенных под строительство приходского училища (начальной школы), были выделены участки собственников Волкогонова, Шевеле-

ва и Мацуева. Участки солидные. У Шевелева, к примеру, было около 600 гектаров. Этот

купец-предприниматель прижился здесь еще до появления эстонских пересе-

ленцев, устроив на берегу бухты Суходол свое загородное имение. Вскоре, пользуясь дешевой рабочей силой китайцев и корейцев, и также наняв батраков из соседнего села Петровки, где находилось волостное правление, Шевелев начал разводить крупный рогатый скот голландской черно-белой породы, сеять зерновые, выращивать овощи...

На карте рукой О.М. Кидермана крупными буквами написано: «Общий план хуторных участков селения Лифляндия, выделенных из переселенческого участка «Морского» Приморской области Южно-Уссурийского уезда Цемухинской волости. Отвод участков произвел и план составил по истинному меридиану, от которого магнитная стрелка имела отклонение к западу на 6 градусов 40 минут, землемер Уссурийской партии по образованию переселенческих участков Кидерман. 1906». Сказано и о том, что к плану прилагаются расписки доверенных от крестьян Петровки и Лифляндии.

В годы гражданской войны Кидерман продолжал работать частным землемером, а после установления советской власти в Приморье перешел на работу в Шкотовский волостной совет. Своих детей у Отто Мартиновича с женой Бертой не было. И супруги взяли девочку из роддома, чтобы воспитать как родную дочь, дав ей имя

Сальма. Переехав в 1927 году в Эстонию, они всюду ее так и представляли. Только некоторые жители дальневосточной Лифляндии знали семейную тайну Кидерман.

И вот, когда в годы Великой Отечественной войны на

прибалтийскую землю пришли советские войска, пожилой землемер потерял покой: ведь ненароком могла раскрыться тайна. Страх возможного осуждения или даже ухода дочери из семьи

оказался превыше благоратумия. Поддавшись уговорам знакомых, семья Кидерман в 1944-м году уехала в Швецию...

Такова благородная судьба бывшего лифляндского землемера О.М.Кидерман.

***Прошное предназна-
чено служить нам, но
завладеть им мы мо-
жем только при усло-
вии его подчинения на-
стоящему.***

Р. Эмерсон.

С первых лет организаций поселений переселенческое управление Южно-Уссурийского округа выделяло средства на создание приходских училищ (так в Российской империи было принято называть начальные школы, и в дальнейшем для простоты условимся их тоже называть школами). Конечно, родители могли и не отправлять ребенка в учение, если по дому не хватало рабочих рук. Иные так и делали. А вот многие эстонцы, которые в большинстве были грамотны, стремились выучить и своих детей. Так что школа вошла в жизнь Лифляндского поселения довольно скоро после его основания.

Первые занятия в Северо-Лифляндской одноклассной школе, расположенной в бухте Большие Куши (Большой Камень), начались в 1909 году. Собственно, отдельного школьного здания еще и не было. Просто в пустовавшем большом доме латыша Янсон решили проводить занятия для 8-9-летних детей. Учителем стал Николай Николаевич Дорош. Он ни слова не знал по-

эстонски, так что ему пришлось довольно трудно. Всего год преподавал Н.Н.Дорош, а затем стал учительствовать в соседнем селе Промысловка.

Тем временем там же, в северной части Лифляндии, поселенец Александр Линде взял в аренду на пятнадцать лет 100 десятин школьной земли. По условиям аренды он должен был построить школьное здание, а затем все последующие годы обслуживать школу – сторожить, отапливать, ремонтировать. Для постройки арендатор взял ссуду в 5 тысяч рублей и пригласил к себе в подмогу Михкеля Марибу.

В сентябре 1910 года новое здание Северо-Лифляндской школы открылось. Преподавателем стал эстонец Михкель Сийтон (по русски его звали Михаилом Яковлевичем). Подготовка шла на эстонском языке, а для знающих только русский язык – Сийтон повторял учебный материал на этом языке. Кроме того, один урок (православное учение) вел священник Петровской церкви отец Алексий (Рини). Кстати, эстонец

по национальности.

Вскоре в школе начала работать жена Михкеля Сийтон – Сусанна Николаевна, преподававшая английский язык. В 1927-м семья Сийтон уехала из Лифляндии. Вместо них стал работать Кирилл Максимович Бондаренко. Но он знал только русский язык. И дети эстонцев (а их было большинство) вновь остались без родного языка. Поэтому решением Лифляндского сельского совета Северо-Лифляндскую школу решили объединить с другой – Южно-Лифляндской, начавшей работать еще в 1919 году в бухточке Южной с появлением учителя эстонца Юхана Тиллинг.

Первоначально Южно-Лифляндская школа размещалась в небольшом частном доме, а затем ей выделили освободившийся дом ме-

стного жителя Кальф. Школьное здание было обычным домом из трех комнат с коридором. В малых комнатах жил учитель, а в большой шли занятия. Все занятия Тиллинг вел на эстонском языке, а русский он преподавал отдельным

уроком.

В 1928-м, когда соединились две лифляндские школы, Тиллинг перебрался в бухту Вампауши (Мысовая) работать садовником. Вместо него стали учительствовать Мария Еремовна Юрченко и Ма-

рия Васильевна Тумма. Первая вела 1 и 2 классы по-русски, а другая преподавала 2-3 классам эстонский язык.

В 1932 году Южно-Лифляндская школа, ставшая четырехлетней, разместилась в новом большом зда-

нии клуба местного рыбо-ловческого колхоза «Новый мир», а скоро и в своем собственном, рядом. Тогда же прибыл в школу и новый преподаватель Федор Трофимович Очнев. Он же стал и директором. При нем школа стала вскоре семилеткой.

*Два чувства дивно близки нам –
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.*

А. С. Пушкин.

Широко бытовало у дальневосточных эстонцев изготовление рабочей обуви, домотканины – шерстяных и льняных тканей, из которых шили одежду, белье, покрывала, мешки, половики, попоны и прочее.

Из зерновых поселенцы сеяли в основном рожь, ячмень и овес. Пшеница из-за прибрежных климатических условий давала низкий урожай. Выращивали также лен, коноплю, картофель, табак, различные овощи.

Конопляное волокно шло на изготовление веревок, без которых в хозяйстве, особенно в рыбацком, не обойтись. А лен шел на производство тканей. Еще из двойной льняной нитки вязали рыбацкую дель. Кроме того, из семян льна и конопли получали масло.

Непростым был цикл обработки зерновых. После уборки снопы складывали на жердях, уложенных с большим зазором вместо потолка в той части крестьянского жилища, что служили гумном. Просушив снопы, тут же ставили и молотили по ней, получая готовые к помолу зерна.

Со временем на лифляндских хуторах стали появляться ручные молотилки с барабанами, потом и конные.

Чаше всего их покупали в складчину на несколько семей и обрабатывали зерно каждой семье по очереди. В 1915 году в Лифляндском селении имелись 3 ручные молотилки и одна конная. Позднее Юхан Уусталу вместе с Карлом Кийве, Густавом Лайд и братьями Вальтон обзавелись молотилкой на две лошади. Подобную компанию собрал и Юхан Линде.

Первое время после обмола рожь молотили вручную, на маленьких жерновах. Два человека крутили жернов, а дети помогали. Многие деревенские сами могли делать помол любого качества. Затем муку просеивали, а отруби давали скоту. Позже зерно стали возить в село Петровка к одному из двух владельцев водяных мельниц – Шабанову и Лемзе или на паровую к Василенко. Там тоже делали муку и крупу из любого зер-

на. За работу мельник брал пару килограммов зерна с каждого мешка и немного денег. А в бухте Андреева, недалеко от мыса Седловидный (Ханган), работала еще и ветряная мельница.

Для выпечки хлеба использовали специальную печь, которую иногда строили в летней кухне. Один – два раза в

месяц замешивали тесто в деревянном корыте и выпекали румяные буханки хлеба.

Гораздо больше усилий требовалось для обработки льна. Сначала собранные растения расстилали тонким слоем прямо на лугу. Недели две рядки вылеживались, пока на ощупь стебли не начнут растрескаться. Затем лен собирали в снопы и относили для просушки в гумно или баню. И лишь после этого грубые и жестковатые волокна с помощью специальных приспособлений мяли, и теребили, а получив достаточно тонкие – пряли и ткали. Готовые полотна обмолачивали в воде и расстилали на солнце. Отбеленная таким образом ткань шла на изготовление одежды и белья.

Разводили эстонцы и овец. В сравнении с растительной шерстяная пряжа требовала гораздо меньше усилий. Из шерстяной ткани изготавливали искусные национальные изделия, костюмы, предметы быта. Эстонская шерстяная ткань и сама пряжа в первой четверти 20-го столетия славились во Владивостоке. Агенты крупнейшей дальне-

восточной торговой фирмы «Кунст и Альберс» как-то увидели самотканую одежду из овечьей шерсти. Ее каче-

ство так понравилось им, что в селениях Лифляндия и Линда они стали появляться регулярно, скупая запасы ткани и пряжи. А уже в городе из нее шили довольно дорогие костюмы.

Не отказываясь эстонцы на берегу Тихого океана и от садоводства, привыкшие вкладывать немалый труд в свои яблони-ево-ягодные

сады. Большинство колонистов старались посадить хотя бы несколько фруктовых деревьев и малину. Некоторые переселенцы привезли с балтийских островов не только семена, но и саженцы яблонь. Славилась сады Парм в бухте Большой Камень, Алас и Мюрисепп в бухте Мысовая, а в бухте Ан-

дреева – Андрея и Михаила Редер, Георга Пихель, Карла Кийве, Петра Луйк. Многим землякам-эстонцам давал практические советы, делал прививки опытный садовод Мельдер, живший в бухте Мысовая. И зацветали по весне на хуторах у самого Тихого океана яблони и ягодные кустарники.

«Память – это не сохранение прошлого, а забота о будущем».

Д. Лихачев.

Основной пищей дальневосточных эстонцев были хлеб, картофель, крупы, горох, овощи, соленая баранина и разнообразная рыба. Вот традиционное меню эстонской семьи первой половины двадцатого столетия: супы, молочная похлебка, каши, соусы, картофель, овсяной кисель, овощи, рыба. Широко было распространено употребление по утрам кофе, который варили из смеси цикория и ячменя или ржи. Чай пили редко, в качестве заварки употребляли разнообразные травы, сушеные фрукты или ягоды. По большим праздникам варили пиво, летом – квас. На Рождество делали кровяную колбасу, на Масленицу варили бобовый или гороховый суп со свиными ножками, на Пасху и Троицу стол украшали крашенными яйцами...

Одной из важнейших составляющих крестьянской жизни было самодельное искусство, появившееся в Лифляндии вместе с первыми поселенцами. Вспомним прекрасный эстонский обычай «тангуд» (по-русски – «толока»), когда женщины по десять-пятнадцать человек собирались в каком-нибудь доме. Вместе чесали и пряли шерсть, пели народные песни. А вечером приходили мужья, вместе ужинали. Тут же и пиво домашнее было, и угощение доброе. Играли на музыкальных инструментах, пели.

Своего рода культурным центром Лифляндского селения, местом встречи молодежи была местная школа. Это были веселые сходки – с песнями, забавными выдумками. Не менее популярным, чем школа, стал и хутор Яна Альвюс на самом берегу бухточки Южной. Просторный двор этого хозяйства стал естественной танцевальной площадкой.

Традиционные виды народного декоративного искусства – узорное ткачество и вязание, резьба и выжигание по дереву, обработка кожи.

Одежда эстонец состояла из белой холщовой рубашки, полосатой юбки и короткой суконной кофты или короткого суконного лифа. Замужние женщины носили, кроме того, передник и традиционный головной убор. Девушки повязывали вокруг головы узкую ленту или надевали венки – обшитый цветным шелком обруч из луба или картона, со связкой шелковых лент сзади.

Мужской костюм включал белую холщовую рубашку, длинные или до колен штаны, куртку и жилет. Основным головным убором служили также легкие шапочки (летом) и ушанки из овчины.

Верхней одеждой мужчин и женщин был длинный суконный кафтан, тулуп из овчины, шуба и пальто. Существенную деталь одежды составлял тканый пояс, которым мужчины подпоясывали верх-

покроя с длинными рукавами, обычно с нашивками на плечах. Во время полевых работ рубаха подчас являлась единственной одеждой женщин. Поверх рубахи надевали не доходящую до пояса блузку с длинными и широкими рукавами.

Универсальной обувью служили кожаные постолы и туфли, у мужчин – также сапоги с голенищами.

* * *

В конце 1920-х годов дальневосточные эстонцы еще сохранили свой язык и национальные черты главным образом за счет того, что жили изолированно в своей общине и плохо владели русским языком. Однако такое положение продолжалось недолго. Насильственная коллективизация, закрытие местной национальной школы, разгон прихода – все это заставляло овладеть русским языком, вписаться в общую систему. И в этих условиях ассимиляция приобрела кри-

тическое ускорение.

Кроме всего прочего прокатились волны арестов. Конечно, сталинских репрессий не избежало практически ни одно село и город, ни один народ. Но эстонцы, в том числе и дальневосточные, занимали в этом списке особую графу. Нынешняя колония эстонцев на тихоокеанском берегу, с сожалением, полностью утратила свою национальную самобытность.

... Нет, ничто не потеряно в нашей истории. Интересна и богата по-своему судьба каждого города, поселка, села. Стоит лишь чуть приложить усилия, и эта история заговорит с нами своим языком, напоминая о прошлых событиях. Важно лишь одно – сделать так, чтобы все минувшее органически входило в сознание новых поколений, как неотъемлемый духовный потенциал нашей жизни.

.....

Свили прибалты гнездо у самого Тихого...

Ко времени интенсивного заселения Уссурийского края крестьянами- земледельцами рыбные богатства прибрежных вод вовсю эксплуатировались заморскими гостями – китайцами, корейцами, японцами. Русские власти как могли пресекали эту «деятельность» непрошенных «рыбаков». Своего рыбака, русского родного, не было и в помине. Естественно, стремление к земным дарам Уссурийского края присовокупить и морские с самого начала всерьез занимало государственные умы. И чиновники начиная уже с 60-х годов позапрошлого столетия предпринимали попытки заселения побережья людьми, способными заняться эксплуатацией морских богатств.

К концу века было принято очередное решение. Выбор закладывать основы русской дальневосточной рыбалки сделали в пользу эстонских поморов с Моонзундского (Западно- Эстонского) архипелага, что в Балтийском море. Было хорошо известно, что народ этот – неутомимый и талантливый труженик. Моряки и рыбаки - потомственные мастера бондарного и плотничного дела - непревзойденные, а женщины- мастерицы на все руки.

Чиновники переселенческого ведомства рассказывали в крестьянской среде: земли на далекой окраине империи сказочные, пространства их немеренные, труднопроходимые леса пригодные для постройки самых крепких судов и домов, богатейшее море кишит рыбой и помещиков нет. Дадут тебе ссуду, выделяют земельный надел - живи, как можешь.

Весть о поселении «на казенный кошт», то есть за счет государства, разлетелась прежде официальных предложений, тревожила умы, укрепляла одни семьи и рушила другие. Поразмыслив немного, осторожные эстонцы решили послать на край света семь ходоков от обеих прибалтийских губерний - Лифляндской и Эстляндской. Пусть все хорошенько проверят, пусть посмотрят, что это за край. И пусть найдут тех, кто нарезать землю будет, и послушают, действительно ли все бесплатно. А тогда и решим окончательно. Деньги на эту поездку были отпущены казной.

Ходоки прибыли во Владивосток 14 мая 1898 года на пароходе «Нижний Новгород», а затем на казенном боте «Гонец» отправились вдоль побережья. Им предстояло осмотреть все бухты

вплоть до бухты Ольга. Сопровождал их лесной ревизор Кочетков. Бот имел небольшую осадку, что позволяло ходокам заходить даже в устья рек. Прибалты дошли лишь до бухты Преображение, заявив, что их устроили многие места залива Петра Великого: залив Стрелок, Уссурийский залив, бухты Гайдамак, Находка и Преображение...

Посланцы Прибалтики уверяли, что на Дальний Восток захотят перебраться семей двести. К сожалению, все они были небогаты и нуждались в финансовой поддержке. Сумма ссуды вызвала разногласия. Предлагаемая властями сумма в 600 рублей на одну семью могла оказаться недостаточной для обзаведения хозяйством и приобретения каботажных судов небогатым эстонским семьям. Администрация же Приморской области пыталась доказать ходокам, что предлагаемой ссуды будет предостаточно.

Маломерное судно грузоподъемностью 10 тонн вместе со шхунным оборудованием стоило 600 рублей - пять семей, объединившись в артель, вполне могла купить судно. К тому же они могли бы на первых парах сами обустроиться. Кстати сказать, крестьянские переселенцы из Малороссии или Украины смогли обустроиться при ссуде 300 рублей.

Однако чины областного переселенческого управления понимали разницу в обустройстве земледельца и помора. И причин тут несколько. Во-первых, дороговизна орудий лова и каботажных судов, без которых рыбак - не рыбак. И, во-вторых, береговая черта мало пригодна для развития земледелия и животноводства. В администрации прибалтийских губерний (Лифляндии и

Эстляндия) была направлена просьба произвести отбор поморов для переезда на тихоокеанское побережье.

Наконец из Петербурга, после долгой переписки, пришла телеграмма, извещающая о том, что ходоки от прибалтийских поморов просят администрацию Приморской области отвести им участки по 10-15 десятин на семью и выдаче безвозвратной ссуды в размере 1140 рублей на обзаведение хозяйством. Требуемая сумма почти в два раза превышала планируемую. Взвесив все «за» и «против» окончательная сумма была определена в 850 рублей. И эстонские поморы были вынуждены согласиться.

Тем временем переселенческое ведомство Министерства внутренних дел поспешно готовилось к переброске переселенцев с Западно-Эстонских островов в Таллин, далее на поездах в Одессу, где оборудовались специальные бараки для крестьян, ожидающих парохода на Владивосток. Готовились и в самом Владивостоке. После тяжелого плавания люди должны были получить хотя бы минимум медицинской помощи. Многим нужно было предоставить возможность для приобретения на месте домашнего скота, недостающего инвентаря... Нужно было и выправить документы, подумать о переправе через Уссурийский залив.

Весной, в мае 1899 года, из Владивостока в Цемухинскую волость Южно-Уссурийского округа выехала землемерная партия заведующего работами по отводу земель переселенцам и образованию переселенческих участков Кокшарова в составе 9 человек. Стояла задача: образовать для поселения прибывающих сюда семей эстон-

цев два участка – Морской (Лифляндский) и Гористый (Эстляндский). В итоге участки выглядели так: Лифляндский – 1163 десятины (328 десятин пашни, 252 – сенокоса сухого чистого, 73 – сенокоса мокрого чистого, 185 – кустарника, 325 – лиственного леса), Эстляндский – 2245 десятин (246 десятин пашни, 171 – сенокоса с кустарником, 54 – сенокоса мокрого, 43 – кустарника, 1731 – лиственного леса).

И вот 1 июня того же года на пароходе «Екатеринослав» во Владивосток прибыли первые десять семей эстонских поморов – 62 человека, включая детей. Их встречали как желанных гостей. Еще одна эстонская семья из 8 человек прибыла 24 июля на пароходе «Санкт-Петербург». Среди первых десяти переселенцев был Миккель Микк, Юхан Тебак, Яан Таммевески, Андрей Вальтон с сыновьями, Иван Вейде, Юхан Усталу, Павел Малк, Андрей Вейде.

Местные власти с надеждой взирали на прибалтов. Сумеют ли они свить на побережье Тихого океана свое гнездо и заняться рыбалкой?

С первых же дней между лифляндцами и эстляндцами возник конфликт. Выходцы из Лифляндской губернии решительно заявили о своем нежелании селиться вместе с жителями другой, Эстляндской губернии. И мотивировали это тем, что эстляндцы, якобы, склонны к пьянству и дебоширству. А в подтверждение своих слов напомнили о случае задержания владивостокской полицией одного из ходоков год назад. А еще лифляндцы считали своих соседей лентяями и ненужными партнерами. И в чем-то оказались правы.

После прибытия, невзирая на скверную июньскую погоду, типичную для Владивостока, лиф-

ляндца без лишних слов сразу же загрузили привезенные предметы быта в купленную ими шаланду и отправились в отведенное им место – бухту Большой Камень. Иначе повели себя эстляндцы. Они не торопились покинуть Владивосток.

Долго морочили всем голову, перебирая бухту за бухтой. Вначале выбрали бухту Юшуай (Ильмовая), затем остановились на бухте Консывай (Андреева). Часть группы выехала на облюбованное ими место, остальные упорно отказывались покидать Владивосток, где у них были «кров» и «стол». Потребовалось немало усилий, чтобы отправить эстляндцев к месту проживания.

Возможно, различие между соотечественниками объяснялось рельефами разных мест в Прибалтике.

Эстляндия – гористая страна; жители ее не были готовы к работе на море. Для выходцев из Лифляндии море было привычным. Оставалось надеяться, что эстляндцы будут готовы работать, засучив рукава, и приобретать необходимый опыт в рыболовстве.

Приморская погода мешала трудолюбивым лифляндцам обустроить свой быт. В течение месяца шли дожди, не давая возможности приступить к строительству. Не видя результатов, администрация не решалась отдать новоселам остаток денег.

Но было обстоятельство, которое заставило руководство Приморской области войти в положение переселенцев. Почти в каждой семье было лишь по одному взрослому работнику. Старики, женщины и дети нуждались в заботе. Поэтому, решено было отдать им все положенные деньги. И к зиме семьи худо-бедно подготовились, хотя для некоторых потребовались дополнительные ссуды.

На следующий 1900-й год, местные власти при поддержке Министерства внутренних дел планировали принять от 25 до 38 семей прибалтийских поморов и при этом ужесточили условия приема. Разреша-

лось переселяться в Южно-Уссурийский край только тем, кто успешно вел рыбный промысел в родных местах или был знаком с каботажным плаванием. К тому же весь путь до Владивостока они должны были оплачивать сами, имея установленную скидку на проезд и провоз багажа. Это было только под силу людям имущим, а они большей частью хотели и умели трудиться. Переселенцам разрешалось перевозить два пуда багажа, включая рыболовные снасти, одежду, кухонную утварь, семена. Чтобы избежать лишних расходов, ссуду власти выдавали лишь во Владивостоке, и то по частям, по мере обустройства.

Эстонцы быстро приспособились к новой жизни и приобре-

тали необходимый рыбацкий опыт. В рыбе недостатка не было. Особенно успешно шла рыбалка в бухте Кангауз (Суходол).

Практически все прибалтийские поморы строились, жили и промышляли рыбу примерно в одинаковых условиях. Большая или меньшая степень зажиточности каждой семьи зависела в основном от числа рабочих рук. Больше в семье работников — и хата больше, шлюпок и шаланд больше, снастей больше и качество их лучше, а значит, улов рыбы больше.

Эстонцы-поморы одними из первых осваивали промысловый лов рыбы в Уссурийском заливе. Они знали и любили море, умели ловить и заготавливать рыбу, были трудолюбивы, предприимчивы.

Маарахвас - ЗНАЧИТ

«народ своей земли»

Прибывшие в Уссурийский край к началу 20 века, в результате организованного переселения крестьянства Эстляндской и Лифляндской губерний в глубь Российской империи, эстонцы по домашнему называли себя маарахвас - буквально - «народ своей земли». Селились эстонские переселенцы не только на восточном побережье Уссурийского залива, но и в других местах. К 1918 году во Владивостоке проживало 150 семей, в Тавричанке - 8, Славянке - 10, Посъете - 15, на мысе Поворотный - 10 семей...

Число поселенцев в Приморской области Дальневосточного края в 1926 году составило 1547 человек, в том числе 1146 человек сельских и 401 человек городских жителей. По своим интересам, целям и устремлениям дальневосточные эстонцы оставались изо-

лированной прослойкой в местной крестьянской массе вплоть до 50-х годов минувшего столетия, сохраняя национальное самосознание, язык, культуру, обычаи.

Дома эстонцы говорили только на родном языке. Сохраняли многие старинные элементы натурального хозяйства.

Широко бытовало производство дмотканых (льняных и шерстяных тканей, из которых шили белье, одежду, покрывала, мешки, половики, попоны и пр.), домашнее изготовление рабочей обуви. Женщины занимались рукоделием, мужчины ремеслами. Сами делали телеги, сани, конскую сбрую, хозяйственную утварь, лодки и даже яхты.

Основной пищей были хлеб, картофель, крупы, горох, овощи, соленая баранина и разнообразная рыба, которую ловили в местных водах. Традиционное меню эстонской семьи составляли супы,

молочная похлебка, каши, соусы, картофель, овсяной кисель, овощи, рыбы. Широко было распространено употребление по утрам кофе, который варили из смеси цикория и ячменя или ржи. Чай пили редко, в качестве завтраки употребляли ~~лекарственные травы или~~ сушеные ягоды и овощи. По большим праздникам варили пиво, летом - квас. На праздник Рождества делали кровяную колбасу, на масленицу варили бобовый или гороховый суп со свинными ножками, на Пасху и Троицу стол украшали крашеными яйцами.

Жилищем была срубная трехкамерная постройка с высокой соломенной крышей, выполненная в традициях народного зодчества. Центральное жилое помещение, отапливаемое по-черному, использовалось также для просушки снопов и рыболовных сетей. У зажиточных крестьян появля-

ются печи с дымоходами и распространяются дома типа коттеджей.

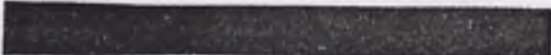
Национальный женский костюм у дальневосточных эстонцев просуществовал до 60-х годов 20-го века. Он состоял из рубахи туникообразного покроя, полосатой юбки, тканого пояса, верхней кофты в талию или безрукавки. Праздничный наряд замужней женщи-

ны включал передник, покрывало, отделанное цветным шнуром. Мужчины носили рубаху, длинные или до колен штаны, куртку, войлочную шляпу, зимой — меховую ушанку, тулупы из овчины, шубы и пальто.

Универсальной обувью служили кожаные постолы и высокие сапоги (удобные для рыба-

Традиционные виды народного декоративно-го искусства — узорное ткачество и вязание, резьба и выжигание по дереву, отработка кожи. Большая часть верующих была христианами — протестантами.

Нынешние дальневосточные эстонцы, к сожалению, почти полностью утратили свою национальную самобытность...

НА КРАЙ ЗЕМЛИ - ЗА РЫБОЙ

Большой вклад в изучение российского Дальнего Востока внес и краевед, чиновник особых поручений Приамурского генерал-губернатора (с 9 октября 1895 г.) Антон Петрович Сильницкий (1864 г., Смоленская область — 26 октября 1912 г., Хабаровск). Принимал активное участие в организации Приамурского отдела Русского географического общества, создании музея и библиотеки при нем. Публиковал материалы о прошлом и современном состоянии восточной окраины России в «Записках Приамурского отдела Русского географического общества» и местных газетах. Редактировал газеты «Приамурские ведомости» (1894 — 1905) и «Приамурье» (1 января 1906 — 1910). Собрал большой материал об образовании новых сел, хозяйственной жизни крестьян-переселенцев, быте и образе жизни ульчей, о формировании устойчивых очагов земледелия и промыслов (лесного, рыбного, пушного, бондарного, извоза и других), возникновении промышленных предприятий. Оставил подробное описание строительства Уссурийской железной дороги. Занимался вопросами адаптации пришлого славянского населения к условиям Дальнего Востока и историей казаков на дальневосточных рубежах.

В 1901 г. типография канцелярии Приамурского генерал-губернатора напечатала работу А. П. Сильницкого «Культурное влияние Уссурийской железной дороги на Южно-Уссурийский край». Обстоятельная и многоплановая эта работа объемом 177 страниц содержит интереснейшие сведения по многим сторонам жизни края. Даны в книге и результаты обследования автором хозяйств эстонских поселенцев, прибывших на тихоокеанский берег из Лифляндской губернии с Моонзундского (Западно-Эстонского) архипелага — группы островов в Балтийском море.

Не от хорошей жизни пришлось крестьянам покидать родную Балтику. Слыхивали они у себя на родине, будто на самом краешке Российской империи лежит земля обетованная и окружает ее море, день и ночь черпай рыбу, а всю — нипочем не выловить. Вот и приехали на дальневосточную окраину...

Первые 11 семей прибалтийских поморов, отмечает А. П. Сильницкий в своей краеведческой работе, «расселились между устьем реки Кангауза и реки Коготуна, по берегам бухт Юшуй, Консивой и Большие Куши» (современные названия: Кангауза — Суходол, Коготуна — Промысловка, Юшуй — Ильмовая, Консивой — Андреева, Боль-

шие Куши — Большого Камня). Селились на расстоянии нескольких километров один от другого. Каждый хутор владел земельным наделом в 25 десятин. Кстати, одна десятина — 1,09 гектара. Значит, надел равнялся 25,25 гектар. Надо признать, что это не так уж и плохо.

Уже в 1900 году довольно быстро выделялись крепкие, состоятельные хозяйства. Об этом известно благодаря обследованию А. П. Сильницкому, проведенному в поселениях прибалтийских поморов.

Так, хутор Альфреда Кальфа состоял из добротного дома (построенного из кедрового леса), надворных построек, огорода и пашни. Для рыбной ловли использовались шлюпка морского типа, китайская лодка и снасти, привезенные из Прибалтики.

Весна 1900 года была первой, когда Кальф начал ловить рыбу в водах Уссурийского залива. Не зная условий и особенности местной рыбалки, местных пород рыб и требований рынка, прибалтийский помор не смог в первый сезон извлечь большую выгоду из своего промысла. Но обилие рыбы позволило ему обрести надежду на хорошее будущее.

Вполне благополучным было положение хутора Андрея Швальтена, в семье которого было пять взрослых сыновей. На хуторе помора были построены дом со всеми надворными постройками, сушилка-коптильня для рыбы, баня. В рыбацком хозяйстве имелось большая шалаанда грузоподъемностью две тысячи пудов и снасти. Хозяин хутора под пахоту и огород разработал 12 десятин земли. Швальтен имел также 2 лошади и 7 коров, купленных частью на острове

Путятина, частью в деревне Душкино.

Об этом эстонском переселении в книге Сильницкого говорится, что он «представляет идеал переселенца в нашу страну: трудолюбивый и многоземельный, хорошо грамотный, умеющий

своими руками построить и дом, и лодку, и связать сеть. Он, конечно, не будет жалеть о своей далекой родине на берегах Балтики, но и привлечет в наши края своих земляков, ибо благосостояние его хозяйства не подлежит никакому сомнению. Андрей Швальтен даже и теперь, еще не испробовавший своего главного ремесла приготовления рыбы впрок, уже доволен своим положением и мечтает о постройке мастерской коробок для консервов и особой коптильни для селедок, камбалы и проч. •

Таким же благополучным хозяйством в 1900 году был и хутор Иоганна Тынивести, в семье которого было два взрослых сына. На хуторе был построен хороший бревенчатый дом. Для рыбной ловли использовались лодка и снасти балтийского типа.

Рядом с хутором И. Тынивести располагалось хозяйство Михаила Микка. В семье помора было 4 детей-подростков. И семья не смогла сразу обустроиться, жила в 1900 году в старой китайской фанзе (землянке), где был устроен финский очаг. Микк жил в основном рыбным промыслом, рыбу возил во Владивосток на продажу. В хозяйстве помора имелись лодка, снасти и примитивная коптильня, представляющая собой шалаш, обмазанный глиной, с печью. Земледелием Микк не занимался.

Весьма успешно занимался рыбным промыслом Андрей Питерски, хутор которого располагался рядом с хутором М. Микка. Занимался помор и земледелием. Было разработано около трех десятин земли, насажен сад, в котором преобладала малина, как требующая наименьшего ухода. А еще имелись четыре коровы.

Результаты обследования в 1900 году хозяйств эстонских переселенцев А. П. Сильницким дали ему возможность сделать такой оптимистический вывод: «Поморы, поселившиеся в Уссурийском заливе, нет никакого сомнения, послужат надежным кадром для развития на наших берегах морских промыслов, ибо все они, независи-

мо от их деловитости вообще, на родине своей главным образом рыбачили, море знают, умеют заготавливать рыбы много. Они, словом, обладают именно теми качествами, которые нужны нашей стране для эксплуатации ее морей. И 1899 год, год поселения на по-

бережье Японского моря прибалтийских рыбаков, скажет уверенно, будет началом эксплуатации морей, омывающих наши берега, а делу этому в будущем предстоит первоначально экономическое значение, ибо богатства наших морей неисчерпаемы.

ЧТО ЕДАЛИ ЭЭСТЛАСЕДЫ...

На рубеже 19-20 веков на восточном побережье Уссурийского залива в результате организованного переселения эстонского крестьянства Лифляндской и Эстляндской губерний в глубь Российской империи прибыли первые колонисты. До начала русско-японской войны 1904 года из Прибалтики в Уссурийский край переселилось 186 эстонских семей. К концу 1910-х годов на берегу Тихого океана возникло 7 небольших эстонских поселений (Лифляндия, Линда и другие). Численность колонистов к 1918 году составила: во Владивостоке – 150 семей, Хабаровске – 100, Лифляндии и Линде – 90 (600 человек), Посьете – 15, Славянке – 10, мысе Поворотном – 10, Тавричанке – 8 семей... В 1926-м году в Приморской области Дальневосточного края проживало 1547 эстонцев, в том числе 1146 человек сельских и 401 человек городских жителей.

Само название дальневосточных эстонцев – ээстласеды. По своим интересам, целям и устремлениям эта этнографическая группа, являющаяся субэтносом по отношению к эстонской нации (основного населения Эстонской Республики), оставалась изолированной прослойкой в местной крестьянской массе

вплоть до 1950-х годов, сохраняя национальное самосознание, язык, культуру, обычаи. Однако судьба неумолима. Ээстласеды почти полностью утратили свои традиции. Вот несколько кулинарных истин дальневосточных эстонцев как части национальной культуры.

СУП МОЛОЧНЫЙ С ПИВОМ

Вскипятить 5 стаканов молока. Взбить 3 яйца с сахаром (1-2 столовые ложки), смешать с пивом (1 стакан), прибавить к горячему молоку. Подготовленную смесь подогреть, залить ею нарезанный кубиками пшеничный хлеб (200 граммов). Подавать в холодном виде.

СУП МОЛОЧНО-РЫБНЫЙ

1-1,5 килограмма трески (филе) варить в кипящей воде (1,25 литра) не более 10 минут, затем вынуть. В отвар положить пол-литровую банку очищенного и нарезанного картофеля, мелко нарезанные лук (1 луковица) и петрушку (1 корень). Варить еще 10-15 минут, затем влить 1 литр молока, предварительно разведя в нем муку (1 столовая ложка). И, помешивая, продолжать варить до готовности картофеля. Затем положить ранее вынутое рыбное филе, добавить мелко нарезанный укроп

(1 столовая ложка), сливочное масло (2 столовые ложки), после чего снять с огня, закрыть крышкой и выдержать 3-5 минут.

СЕЛЬДЬ В СМЕТАНЕ

2-3 слабосоленые сельди полностью очистить и филетировать, разняв на две половинки. Вымочить филе в молоке (0,25 литра) в течении 10-12 часов, затем нарезать кусочками шириной 1-1,5 сантиметра и разложить на блюде ровным слоем. Поверх положить тонко нарезанный колечками лук (1-2 луковицы), залить ровным слоем густой сметаны (1 стакан) и сверху засыпать мелко нарезанным укропом (0,5 стакана). К блюду подать горячий отварной картофель.

«КАРТОФЕЛЬНЫЕ ПОРОСЯТА»

Постную свинину (0,5 килограмма) нарезать небольшими квадратами толщиной 1-1,5 сантиметра, обжарить на сковороде почти до полной готовности. Из отварного картофеля (1-1,5 килограмма), молока (0,75 стакана), сметаны (0,5 стакана), муки или манной крупы (1-1,5 столовые

ложки) и 1 яйца приготовить эластичное пюре. Обернуть (облепить) этим пюре кусочек свинины. Обжарить, получившиеся колобки в 1 взбитом яйцом, обвалять в муке или манной крупе (1-1,5 столовые ложки), разложить на смазанной сливочным маслом (1 столовая ложка) противень и выпечь в духовке. Готовые «картофельные поросята» полить сметаной (0,5 стакана).

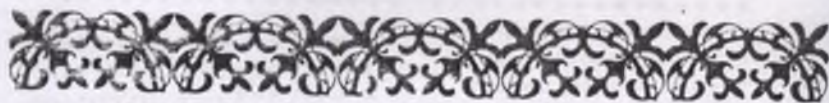
КАША БРЮКВЕННАЯ

Отварить 2 брюквы в воде, сделать пюре. Затем добавить обжаренный в масле (1 столовая ложка) мелко порезанный лук (1-2 луковицы), муку (1 столовая ложка), посолить и тщательно перемешать. После чего залить пюре молоком (1,5 стакана) и подогреть, помешивая в течении 5-7 минут.

БЛИНЫ ЛИФЛЯНДСКИЕ

Смешать 8 яиц с 8 столовыми ложками обыкновенной муки так, чтобы тесто было не густо. Наливать туда понемногу 8 стаканов молока, положить немного соли, 1 ложку сахара, 8 взбитых белков и 8 ложек взбитых сливок. Размешать и печь блины.

Содержание

ЧТО В ИМЕНИ ТВОЕМ, ЮЖНАЯ ЛИФЛЯНДИЯ ?	3
ПРИВЕЗЛИ С СОБОЙ ДУХ ПРИБАЛТИКИ	5
СВИЛИ ПРИБАЛТЫ ГНЕЗДО У САМОГО ТИХОГО	17
МААРАХВАС -- ЗНАЧИТ "НАРОД СВОЕЙ ЗЕМЛИ"	21
НА КРАЙ ЗЕМЛИ -- ЗА РЫБОЙ	23
ЧТО ЕЛАЛИ ЭЭСТЛАСЕДЫ	26

НОВАЯ РОДИНА

ГОРДИТЬСЯ СЛАВОЮ
СВОИХ ПРЕДКОВ
НЕ ТОЛЬКО МОЖНО,
НО И ДОЛЖНО;
НЕ УВАЖАТЬ ОНОЙ
ЕСТЬ ПОСТЫДНОЕ МАЛОДУШИЕ.

А.С.Пушкин

